

Предисловіе

«Православное Дѣло» существует болѣе трех лѣтъ как организація практической христіанской работы. Но только сейчас оно рѣшилось выступить с теоретическим обоснованіем своего дѣла. Конечно, кормить голодных, давать кров безпріютным и больным можно без всякаго обоснованія. Это христіанская азбука, которую никто не оспаривает. Но дѣлая удареніе на этой, так называемой, социальной работѣ, «Православное Дѣло» было приведено к необходимости своего богословскаго самоопредѣленія. Три года понадобилось для того, чтобы его самосознаніе созрѣло, и чтобы оно яснѣе увидѣло предназначенное ему, хотя бы скромное, историческое мѣсто в жизни и преданіи Церкви. Как это часто бывает, внутреннему созрѣванію содѣйствовали внѣшнія силы: нападки противников, создавшаяся вокруг «Православнаго Дѣла» атмосфера недоувѣрія и подозрѣній. Мы были вынуждены утверждать наше православіе и привести доказательства, в то же время отмѣтить то, что мы считаем нашим особым призваніем, нашим путем в православіи. Новое сочетается со старым, как в каждом живом дѣлѣ и «живом преданіи», и оба вырастают из вѣчнаго.

Не случайно, конечно, «Православное Дѣло» родилось в годы тяжкаго кризиса, особенно больно ударившаго по беззащитной русской эмиграціи: нужна была спѣшно помощь в грозной бѣдѣ. Не случайно и то, что первый сборник «Православнаго Дѣла» появляется в этот страшный год, когда рѣшаются судьбы міра, по крайней мѣрѣ христіанскаго міра. Мір вступил

в полосу катастроф, которыя кажутся нам апокалиптическими. Мы не знаем еще, каков их смысл. Означают ли они суд Божій над старым міром, разрушеніе его тысячелѣтней культуры, или в муках и крови нашего поколѣнія рождается новое общество, новая жизнь? Может быть и то и другое: и смерть и рожденіе. И уж навѣрное суд. Но нам ясно одно. Христіане не имѣют права спастись от бури в укромных мѣстах. Церковь призвана быть Одигитріей, водительницей человѣческаго рода. Она одна может дать отвѣтъ на всѣ вопросы, которыми больно человѣчество. Она одна может указать путь, остановить всеобщую войну и благословить на созданіе Новаго Града. Если не она, то кто же?

Но в такое время возрастает старый соблазн индивидуалистической религіи: откеститься от міра, предоставить его бѣсам, спастись свою душу. «Каждый за себя, а Бог за всѣх». Эта цинически звучащая буржуазная пословица получает мнимое освященіе в аскетико-мистической литературѣ древняго и новаго времени. Есть правый путь мистика, отшельника, одинокаго молитвенника. В Церкви есть много путей. Но одинокій путь в христіанствѣ является скорѣе исключеніем, парадоксом. Столпники, как и юродивые, украшеніе Церкви. Но безумно предлагать всѣм подняться на столп или юродствовать. То, что праведно для великих и сильных, становится грѣховным для средних людей. Средній человѣкъ живет в обществѣ, и этим оправдывает никѣм не опороченное, отцами Церкви признанное опредѣленіе Аристотеля: *zoon politicon* — существо общественное.

Вот почему общественное или социальное пониманіе христіанства, которое раздѣляет «Православное Дѣло», есть не новое, а исконное и вѣчное христіанство, лишь затемненное в послѣдних столѣтіях. Русская Имперія насильственно отѣснила Церковь от общественнаго дѣла, заперла монаха в кельѣ, а священника в храмѣ. Протестантское пониманіе религіи, как только личнаго дѣла, восторжествовало в XVIII вѣкѣ и лишь

прикрылось переведенным тогда «Добротолюбіем». По существу же то была измѣна лучшим традиціям древней русской Церкви вселенской. Эту традицію, вмѣстѣ с другими, мы оживляем.

Мы не первые, конечно. В сущности все то новое, что дѣлается в эмиграціи, непосредственно примыкает к жестоко прерванной линіи XIX вѣка. Русская Церковь в концѣ его, а особенно в началѣ XX, была, как апокалиптическая жена в муках родов. Ея пророческіе богословы открывали перед нею ослѣпительные пути. Церковный быт сопротивлялся со своим застывшим уютом и вѣковой эстетикой. Но прилив духовных сил преодолевал косность быта. Церковь готовилась с 1905 года к своему общему обновленію.

Революція сорвала этот благодатный процесс. Не только внѣшне, — гоненіями в Россіи, но и внутренне, — тяжелой реакціей в умах. Потрясенное революціей церковное общество отвращается от всего новаго, как от ереси. Как жена Лота, люди все оглядываются назад и не хотят идти в страну обѣтованную.

Психологически воплі естественное чувство становится церковным грѣхом, когда отказывается от покаянія, — «соціального покаянія». Не будем обманываться внѣшними признаками благочестія. «Нераскаянное благочестіе» не спасает, — по крайней мѣрѣ не спасает цѣлаго, церковнаго общества, народа. Обновленіе для народа тоже, что покаяніе для личности: *metanoia*, перемѣна сознанія, новая жизнь.

Воскрешая лучшую традицію русской богословской мысли, — традицію Хомякова, Федорова, Достоевскаго, Соловьева, — мы сознаем, что она нуждается в пересмотрѣ. Жизнь многому научила нас. Им не дано было провѣрить свои прозрѣнья в огнѣ испытаній. Живи они с нами, они сами от многого бы отказались, но многое заострили бы и углубили. Словом, мы сохраняем свою свободу и по отношенію к нашим любимым учителям.

В этом великом наслѣдіи XIX и XX вѣков русской мысли мы отмежовываем себѣ отдѣльную сферу: сферу социальной мысли и дѣйствія во всѣх ея формах, кромѣ чистой политики и чистой экономики. Это значит, что проблемы православнаго богословія, проблемы православной культуры, проблемы аскетики и литургики нас, как группу, интересуют лишь постольку, поскольку они имѣют социальный смысл или социальную проэктію. Между работниками церковнаго обновленія необходимо раздѣленіе труда. Мы избрали себѣ участок поля, болѣе других запущенный и в настоящее время мало популярный. Думаем, что время и опыт, — хотя бы в будущей Россіи! — вернут ему подобающее значеніе.

И наконец послѣднее, что нас опредѣляет и отличает. Мы собрались не для теоретическаго изученія социальных вопросов в духѣ православія. Среди нас мало богословов, мало ученых. Но мы хотим поставить нашу социальную мысль в тѣснѣйшую связь с жизнью и работой. Вѣрнѣе, из работы мы исходим и ищем посильнаго богословскаго ея осмысленія. Мы помним, что «вѣра без дѣл мертва» и что главным пороком русской мысли, — как раз богословской — была ея беспочвенность, ея оторванность от церковно-общественнаго дѣла. Этой ошибки мы не хотим повторять. Отдѣльныя ошибки не страшны. Не ошибается лишь тот, кто ничего не дѣлает. Бог да поможет нам видѣть и исправлять их в неустанном «социальном покаяніи».